

ВЛАДИМИР ПАПАВА

**НЕКРОЭКОНОМИКА
И
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ**

**ТБИЛИСИ
2001**

1. ВВЕДЕНИЕ: ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Экономика, как таковая, изучена достаточно основательно. На должном уровне разработана экономическая теория. Несмотря на это, современные реалии и прежде всего процесс посткоммунистической трансформации поставили на повестку дня новые нерешенные проблемы. Целью настоящей работы является вычленение такого сегмента посткоммунистической экономики, который не только не является объектом исследований экономической теории но, можно сказать, что сам факт его существования даже не был замечен экономистами. Прежде чем непосредственно начать рассмотрение данного вопроса, вкратце напомним читателю основные моменты экономической теории.

Экономика (или иначе, народное хозяйство, национальная экономика) не что иное как использование редких ресурсов для производства ценных благ и распределение их между людьми. В общетеоретической постановке экономика является объектом изучения экономической теории (экономикса).

В зависимости от того, кто принимает решения -- отдельные лица и частные фирмы или государство -- соответственно, различают рыночную и командную экономики. Ни одна из них в чистом виде в современном мире не существует, так как решения, как правило, принимаются как отдельными лицами и частными фирмами, так и государством.

В экономической теории основное внимание акцентируется на рыночную экономику и практически не рассматриваются проблемы командной экономики; что же касается проблем смешанной экономики, их изучение по большей части имеет прикладной характер.

В экономической теории так же, как в других областях науки, применяется т.н. иерархический подход. Традиционно экономику страны принято рассматривать как двухуровневую систему.

Нижний уровень, т.е. микроэкономика, охватывает поведение домашних хозяйств и фирм, их взаимовлияние в процессе принятия решений, и её изучает микроэкономическая теория (микроэкономикс, или просто микроэкономика).

Поведение экономики всей страны характеризует верхний уровень, т.е. макроэкономику, которую через выявление тенденций экономического роста, изменения инфляции, занятости, внешней торговли и т.п. изучает макроэкономическая теория (макроэкономикс, или просто макроэкономика).

При рассмотрении экономики в мировом масштабе вычленяется ещё один уровень – мегаэкономика. Объектом изучения мегаэкономической теории (мегаэкономикса, или просто мегаэкономики) являются международные интеграционные процессы экономики, динамика мировой экономики и т.д.

Из этих трёх уровней наиболее разработанными являются микро- и макроэкономическая теории.

Относительно малоизученной во всех трёх уровнях экономики является её “теневая”, т.е. неучтенная государством часть.

Беглый обзор сфер экономической теории вроде бы не оставляет места для “белого пятна”, хотя современные тенденции посткоммунистической трансформации экономики дают серьёзный повод усомниться в этом.

2. “БЕЛОЕ ПЯТНО” ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Посткоммунистический переходный период от командной системы к рыночной содержит в себе и такой новый феномен, который до сих пор не становился объектом специальных исследований, так как никогда не был вычленен как самостоятельная часть экономики. С целью её идентификации необходимо вспомнить то, какой была материально-техническая база командной экономики.

Командная экономика по своей природе в корне исключает конкуренцию в любой форме её проявления как внутри, так и вне страны. Большинство стран с командной экономикой были объединены в единое экономическое пространство (наиболее наглядным примером тому служит Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), который за сорокалетний период своего существования кроме СССР объединял в себе и такие страны, как Болгария, Венгрия, северный Вьетнам, восточную Германию, Кубу, Монголию, Польшу, Румынию, Чехословакию), в рамках которого любая товарообменная операция была регулируема единым координационным органом. Что же касалось экономического сотрудничества со странами с рыночной экономикой, то одно время это вовсе исключалось (в частности, до Второй Мировой Войны СССР практиковала политику “железного занавеса”), а после разрешалось исключительно на правительственном уровне, и то в очень ограниченных формах.

Среди стран, объединенных в СЭВ, в принципе только для СССР “допускалась” форма конкуренции с Западными странами и то исключительно в сфере военно-промышленного комплекса, в результате чего СССР удалось развить ядерное и обычное военное оружие, проникнуть в космос.

Отрицание конкуренции в командной экономике уничтожило единственный действенный стимул экономической о развития, в результате чего, как правило, производилась низкокачественная продукция, цена которой была искусственно занижена за счёт дотаций из государственного бюджета. Основным же источником поступлений в государственный бюджет СССР была выручка от продажи алкогольных напитков; практически единственным путём получения стабильной иностранной валюты была продажа сырья (прежде всего нефти) странам с развитой рыночной экономикой.

На основе изучения и обобщения основных черт сформировавшейся при коммунистическом режиме в Польше командной экономики А.Липовски приходит к заключению, что когда весь мир поделён на “развитые” и “развивающиеся” страны, ни к одной из них страны с командной экономикой не могут относиться; для их характеристики он вводит термин “*ошибочным путём развитые*” (“Misdeveloped”) страны, согласно которому в них:

- доля промышленности в валовом внутреннем продукте (ВВП) значительно высока из-за низкой доли внутренней и внешней торговли и обслуживания;
- значительная часть промышленного производства приходится на производство средств производства, за счёт низкого уровня производства предметов потребления;
- на неудовлетворительно низком уровне находится производство конкурентоспособной на международном уровне продукции;
- в широких масштабах производится не нужная для потребителя продукция;
- чрезмерно высока доля производства устаревшей продукции в промышленном производстве (Lipowski, 1998, p. 9).

Свержение коммунистического режима, крах командной экономики на фоне мирового рынка “оголило” экономику посткоммунистических стран: за некоторым исключением (в частности, некоторых объектов гидроэнергетики, нефте- и газодобычи и первичной переработки сырья), продукция, произведённая в этих странах, из-за её низкого качества, или (и) дороговизны оказалась неконкурентоспособной по сравнению с международными стандартами. Рынка для такой продукции не существует и, в принципе не может существовать. Экономику такого типа, по нашему мнению, можно назвать “мёртвой”, т.е. **некроэкономикой** (по гречески nekros - мёртвый) (Папава, 2000), а теорию, изучающую её, – *некроэкономической теорией, некроэкономиксом* (или исходя из принятой традиции, просто *некроэкономикой*).

Вышеотмеченный процесс “оголения” командной экономики А. Липовски характеризует антонимом термину “инвестиция” – “дайвестиция” (Drucker, 1986; Teylog, 1988), под которым понимается “снятие” с посткоммунистической экономики перечисленных патологий “ошибочным путём развигой” экономики (Lipowski, 1998, pp. 31-32), в результате чего, по нашему мнению, и формируется некроэкономика.

Естественно, что когда какая-то часть экономики “мёртвая”, то оставшаяся её часть будет “жизнеспособной”, которую условно назовём **витальной экономикой**, или **витаэкономикой** (по латыни vita – живой), а теорию, изучающую её *витаэкономической теорией, витаэкономиксом* (или просто *витаэкономикой*).

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ что общего и чем различаются некроэкономика и витаэкономика?

В некроэкономике так же, как и в витаэкономике можно производить продукт, т.е. практически может иметь место *предложение*, но в отличие от продукта,

произведённого в витаэкономике, на продукт, произведённый в некроэкономике, из-за его некачественности, или (и) дороговизны никакого *спроса* на него нет. Следовательно, некроэкономика исключает любой акт купли-продажи, по своей сути исключено существование и равновесной цены.

Если определённый сегмент экономики мёртвый (т.е. невозможно его оживление), тогда, в принципе, и проблемы не должно быть: по здравому смыслу “мёртвая” экономика не может иметь никакого влияния на её “живую” часть.

В условиях рыночной экономики это именно так: неконкурентоспособное производство так “исчезает”, что фактически не создаёт никакой проблемы для остальной части экономики. Именно этим можно объяснить “ограниченность” ареала исследований экономической теории проблемами рыночной экономики, ибо в ней некроэкономика, как таковая в принципе отсутствует.

В корне отличается ситуация в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации. В них некроэкономика сформировалась на основе материально-технической базы бывшей командной экономики.

3. “РУТИНЫ” – ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА НЕКРОЭКОНОМИКИ

С целью раскрытия механизма взаимовлияния некроэкономике и витаэкономике посткоммунистическую экономику представим в следующем виде:

1. Некроэкономика в государственном секторе.
2. Витаэкономика в государственном секторе.
3. Приватизированная некроэкономика.
4. Приватизированная витаэкономика.
5. Витаэкономика, созданная новыми частными инвестициями.

В первую группу, как правило, входят по преимуществу крупные и средние объекты промышленности, которые исходя из предназначения видов продукции, производимых в них, оценены как стратегические, хотя из-за её неконкурентоспособности эти предприятия в условиях рынка являются “мёртвыми”.

Основой витаэкономики, находящейся в государственном секторе, являются предприятия преимущественно энергетики (прежде всего производство и передача электроэнергии, добыча и предложение нефти и газа), транспорта и связи. В случае их приватизации они переходят в четвёртую группу – в приватизированную витаэкономическую. Эта группа также может включать некоторые средние и преимущественно мелкие объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу входят предприятия из первой группы после их приватизации. Изменение формы собственности само по себе вовсе не означает задействие неработающих предприятий, ибо состояние “покойника” не меняется от того, чьим он является – государства или частной фирмы. Игнорирование этого факта и является основной причиной относительной дискредитации процесса приватизации, когда ей, особенно на её начальной стадии безотносительно и изолированно от процесса инвестирования вменялась функция задействия неработающих предприятий независимо от того, “живым” или “мёртвым” было каждое конкретное предприятие в действительности.

Последняя, пятая группа, охватывает наиболее здоровую часть посткоммунистической экономики,

которая является вновь созданной по принципам рыночной экономики за счет частных инвестиций. Несмотря на это и в этой группе есть определённые проблемы, которые требуют соответствующего осмысления. В частности, дело касается некоторых иностранных инвестиций, за счёт которых в посткоммунистических странах привлекаются не новейшие, а бывшие в употреблении, относительно устаревшие (точнее, морально устаревшие по мировым стандартам) технологии, которым, по нашему мнению, больше подходит название “*секондхэнд инвестиций*” (“secondhand shop” по русскому аналогу – магазин поддержанных вещей, или “комиссионка”); на их основе произведённая продукция конкурентоспособна только в рамках “возникающих рынков” (“emerging markets”), и то в ограниченном интервале времени – до проникновения на эти “рынки” конкурентоспособных по мировым стандартам товаров.

Следующий вопрос, который встаёт для обсуждения: что обуславливает стабильное существование неэкономике в посткоммунистических странах?

По нашему мнению, ответ на этот вопрос можно найти исходя из эволюционной теории экономических изменений (Nelson, Winter, 1982).

Основным “инструментом” этой теории является понятие “рутины” (“routines”), под которым подразумеваются сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют его (поведения) воспроизводство (Murrell, 1992; Мюррел, 1994, с. 69). Необходимо отметить, что в русскоязычном переводе вместо термина “рутины” часто используется термин “стереотипы” (Мюррел, 1994, с. 69; Садыгов, 1999, сс. 12-15), хотя, по нашему мнению, более целесообразно сохранить термин “рутины”, используемый в оригинале.

Именно “рутины”, сформировавшиеся в течение многих десятилетий в недрах командной экономики, и

являются основным фактором того, что “заставляет” “мёртвые” предприятия работать уже в несуществующем режиме командной экономики, в результате чего их склады заполнены неконкурентной продукцией, а из-за принципиальной невозможности её реализации накапливаются безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим предприятиям. В результате создаётся запутанная сеть взаимной задолженности предприятий (Ослунд, 1996 Б, сс. 256-264).

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор в вышестоящих государственных органах (в руководящих структурах коммунистической партии, Госплана, Министерстве финансов) ставил вопрос об их списании и, как правило, достигал цели. Исходя из этого, при условии существования практически неограниченной (точнее, гарантированной) возможности списания долгов, их накапливание не воспринималось как опасное для руководства предприятий. Данный механизм списания долгов является той закрепившейся “рутиной”, которая, к сожалению, периодически проявляется в посткоммунистических странах в различных вариациях “налоговой амнистии”.

4. “HOMO TRANSFORMATIUS” И “ПОСТДЕЛЕЦ”

Человеческий фактор, как правило, имеет решающее значение практически в любом экономическом процессе. “Рутины”, воспроизводящие некроэкономику обусловлены поведением того человека,

который находится в переходном процессе от сформировавшегося в условиях командной экономики “homo soveticus”-а (т.е. человека, подавленного государством, и полностью зависимого от него) к типу человека, характерного для рыночной системы – “homo economicus” (т.е. человека, побудительными мотивами которого являются получение максимальной полезности в домашнем хозяйстве и – максимальной прибыли в фирме).

Следует отметить, что согласно мнению акад. Л.И.Абалкина “в целом для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума, создания социально-политических и духовно-нравственных начал развития инициативы и предпринимательской этики”, вследствие чего неудивительно, что “отрицание концепции “экономического человека” и попыток рассматривать его изолированно от общества, от среды его обитания можно считать отличительной чертой российского мировоззрения”; если к сказанному добавить, что “... В.И.Ленин с его учением ... воспроизводил традиции отечественной экономической мысли” (Абалкин, 2000, с. 15), то, исходя из данной постановки вопроса, придётся признать, что “homo soveticus” зарождался в недрах российского мировоззрения.

Тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, квалифицирован нами как “homo transformativus”, т.е. человек, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существования за его счёт, хотя в то же время он постепенно начинает действия, исходя из его частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли (Палава, 1999; Равава, 1996, 1999).

В предпринимательстве “homo transformativus”

приобретает особенную форму, корни которого уходят в командную экономику.

Даже в условиях командной экономики рыночная экономика (а точнее, её отдельные элементы) всё равно не была на сто процентов исключена. Она была настолько подавлена государством, что существовала лишь в “теневом” секторе (Шохин, 1989, сс. 57-83). В условиях командной экономики ни один директор (за редким исключением) в принципе не мог так руководить предприятием, чтобы не нарушить законы, установленные существующим режимом, так что в отдельных случаях проявлялось использование элементов рыночной экономики и потому эта деятельность относилась к “теневому” сектору. Несмотря на это, эти директора в условиях командной экономики не стали и принципиально не могли стать предпринимателями рыночного типа, ибо их поведение было сковано политическим прессом существующего коммунистического режима.

Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что эти директора предприятий, использовавшие в своём поведении элементы рыночного типа назывались не “предпринимателями”, а “дельцами”.

После крушения командной экономики бывшие дельцы в большинстве случаев сумели сохранить за собой места директоров в государственном секторе, а при их приватизации воспользовались правами трудовых коллективов и стали собственниками соответствующих предприятий (Ослунд, 1996 А), и независимо от того, занимали они менеджеров или нет, особенно на начальном этапе постприватизационного периода, старались своим “мышлением дельца” управлять деятельностью этих предприятий.

Как “homo transformativus” это ещё не “homo economicus”, так бывшие дельцы не могли превратиться в предпринимателей. “Homo transformativus” в предпринимательской сфере приобретает “титул”

постдельца (из-за исключительно советского происхождения этого феномена и в английском целесообразно сохранить русское звучание – “Post-Delets”) (Parava, Khaduri, 1997, pp. 28-29).

Именно постдельцы стоят “за спиной” некроэкономике как в государственном, так и частном секторе, именно они являются “инициаторами” поведения, соответствующего “рутинам” командной экономики.

Постдельцы, используя старые “связи”, проникают в государственные структуры (как в парламент, так и правительство) и своим влиянием стараются политически оправдать и продлить существование некроэкономике.

Однозначно можно сказать, что некроэкономика “служит” интересам постдельцов, и пока они не будут “замещены” на базе соответствующих институциональных реформ предпринимателями, некроэкономика всегда будет иметь серьёзное подспорье.

5. ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Явно отрицательное влияние некроэкономике на развитие посткоммунистических стран не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо выявить и задействовать тот механизм, который решит проблемы “мёртвых” предприятий в “автоматическом” режиме,

характерном для рыночной экономики. Иными словами, данный механизм должен обеспечить повсеместное распространение рыночных принципов экономического устройства.

Ключ к решению проблемы “лежит” в вышеупомянутой эволюционной теории экономических изменений.

Формирование “рутин”, соответствующих рыночной экономике, преимущественно происходит в пятой группе посткоммунистической экономики – в частном секторе, созданном исключительно за счёт частных инвестиций. Поэтому эта группа требует особого внимания со стороны государства, которое должно содействовать её укреплению и расширению; государство должно заботиться о создании той стабильной политической и макроэкономической среды, когда за счёт частных инвестиций будут появляться новые фирмы. Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счёт повсеместного расширения пятой группы..

Несмотря на естественную “непривлекательность” тех фирм из пятой группы, которые создавались за счёт “секондхэнд инвестиций”, они в условиях существования надлежащей законодательной базы практически не могут стать источником создания некроэкономики, так как их (фирм) формирование происходит по принципам рыночной экономики, из-за чего соответствующие ей “рутины” при потере конкурентоспособности обеспечивают “уход” с арены фирмы производящей данную продукцию по рыночным механизмам

Что же касается второй и четвёртой групп, то независимо от того, принадлежит ли данное конкретное предприятие всё ещё государству или уже приватизировано, оно безотлагательно требует привлечения новых инвестиций за счёт продажи соответствующей доли собственности или по крайней

мере путём передачи права управления на доли срочный период стратегическому инвестору: в противном случае вероятность того, что витекономика из второй и четвертой групп перерастёт в некроэкономику, соответственно, первой и третьей группы, значительно возрастёт.

Как отмечалось выше, приватизация сама по себе вовсе не приводит к уничтожению некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытого международного тендера с целью выявления стратегического инвестора, которому конкретный “мертвый” объект (а точнее, право начать соответствующее стратегическое для данной страны производство в стенах “мёртвого” объекта) будет передан с правом управления на долгосрочной основе. Не исключено, что этот шаг может оказаться неудовлетворительным для стратегического инвестора, и тогда государству необходимо пойти на приватизацию данного объекта, даже при символической цене, ибо “мёртвое” предприятие дорого стоит не может.

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некроэкономики.

Единственной правильной оценкой подавляющей части материально-технической базы некроэкономики является то, что это не что иное, как металлолом. Следовательно, уничтожение (в прямом смысле) некроэкономики возможно путём непосредственной продажи металлолома, в том числе путём экспорта, ибо последний его (металлома) владельцу даёт доход в твёрдой валюте, что в принципе может быть использовано для создания витекономики.

“Рутины”, соответствующие командной экономике, тормозят признание того факта, что “мёртвые” машины и оборудование – это всего лишь металлолом, и, как следствие, мешают (а порой и запрещают) торговать им

(и тем более это касается его экспорта). В итоге продлевается “жизнь” некроэкономики.

Теоретически ясно, что действенный механизм уничтожения некроэкономики непосредственно связан с законодательством о банкротстве.

Пример Грузии показывает, что хотя в стране закон о банкротстве, проект которого был подготовлен иностранными экспертами на основе обобщения мирового опыта, был утверждён парламентом несколько лет тому назад, к сожалению, он оказался “мёртвоорожденным”, т.е. “некрозаконом”: ни одно фактически обанкротившееся предприятие в Грузии не обанкротилось юридически. Объясняется это тем, что этот закон не “вписался” в существующие в стране институты.

Закон Грузии о банкротстве полностью соответствует международным стандартам, из-за чего иностранные эксперты единодушны в оценке его привлекательности, но так как в действительности этот закон “нежизнеспособен”, ему больше всего подходит сказочный титул “спящей красавицы”.

То, что происходит с законом о банкротстве в Грузии, является наглядным подтверждением того, что новые институты в посткоммунистических странах создаются под давлением международных финансовых институтов по Западным образцам путём сознательной, непосредственной имитации Западных оригиналов (Шаванс, Маньян, 1999, с. 43). В результате институты, соответствующие развитой рыночной экономике в странах, находящихся в переходном периоде посткоммунистической трансформации, зачастую нежизнеспособны, а в худшем случае могут инициировать и негативные эффекты тоже. Здесь уместно вспомнить, что Международный Валютный Фонд часто подвергается справедливой критике по поводу ускоренного и в то же время упрощающего подхода к институциональным реформам, в результате чего

страдает процесс утверждения рыночной экономики (Стиглиц, 1999; Stiglitz, 1999).

Формирование “рутин”, соответствующих рыночной экономике, “замещение” постдельцов предпринимателями и, как следствие, уничтожение некроэкономики возможно исключительно путём создания институтов, способствующих процессу посткоммунистической трансформации. Безошибочным же индикатором завершения этого процесса является уничтожение феномена некроэкономики.

ЛИТЕРАТУРА

Абалкин Л.И., 2000. Поиск самоопределения. Отечественная школа экономической мысли на рубеже веков. *ИГ-Политэкономика* (Приложение к "ИГ", № 15 (56), 5 ноября).

Мюррел П., 1994. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством. В кн.: *Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы*. Под ред. Н. А. Макашевой. М., РГГУ.

Ослунд А., 1996 А. "Рентоориентированное поведение" в российской переходной экономике. *Вопросы экономики*, № 8.

Ослунд А., 1996 Б. *Россия: рождение рыночной экономики*. М., Республика.

Папава В., 1999. Доктрина рыночного равенства: вопросы теории и её приложения к процессу посткоммунистической трансформации. *Общество и экономика*, № 12.

Папава В., 2000. Некрозэкономика. *Макро микро экономика*, № 10 (на грузинском).

Садыгов Ш. М., 1999. *Макроэкономическое управление и магистральные модели*. Баку, Элм.

Стиглиц Дж., 1999. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов). *Вопросы экономики*, № 7.

Шаванс Б., Маньян Э., 1999. Постсоциалистические траектории и Западный капитализм. *Мировая экономика и международные отношения*, № 12.

Шохин А. Н., 1989. *Социальные проблемы Перестройки*. М., Экономика.

Drucker P. F., 1986. *Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles*. New York.

Lipowski A., 1998. *Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990-1994*. Warsaw. Adam Smith Research Centre, Center for Social and Economic Research.

Murrell P., 1992. Evolution in Economics and in the Economic Reform of the Centrally Planned Economies. In: *The Emergence of Market Economies in Eastern Europe*. Ed. by C.C.Clague, G.Rausser. Cambridge, Basil Blackwell.

Nelson R. R., Winter S. G., 1982 *An Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, The Belknap Press of Harvard University Press.

Papava V., 1996. The Georgian Economy From "Shock Therapy" to "Social Promotion". *Communist Economies and Economic Transformation*, Vol. 8, No.8.

Papava V., 1999. The Georgian Economy: Main Directions and Initial Results of Reforms. In: *Systemic Change in Post-Communist Economies*. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Ed. by P. G. Hare. London, Macmillan Press.

Papava V., Khaduri N., 1997. On the Shadow Political Economy of the Post-Communist Transformation. An Institutional Analysis. *Problems of Economic Transition*, Vol. 40, No. 6.

Stiglitz J., 1999. *Whither Reforms? Ten Years of the Transition*. Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30, 1999. Washington, The World Bank.

Taylor M. L., 1988. *Divesting Business Units*. Toronto.